

DOI 10.31250/2618-8619-2023-1(19)-17-27

УДК 81'44:811.51

Андрей Данилович Каксин

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова

Абакан, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-9632-8286

E-mail: adkaksin@yandex.ru

Культура жизнеобеспечения и язык хантов: прагматика, синтактика, образность*

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена одному из аспектов лингвистического обоснования связи языка и культуры: выявлению в лексиконе, синтаксических моделях и образных схемах языка единиц с переносным и потенциальным концептуальным значением. Изложение ведется с опорой на анализ материала хантыйского языка, для сравнения привлекаются данные русского и хакасского языков. С позиций лингвистической типологии рассматриваются нарицательные слова, обозначающие географические объекты, некоторые разряды топонимов, названия самых распространенных представителей фауны, а также слова, составляющие ядро лексики хозяйственной деятельности. В качестве источников иллюстративного материала используются образцы разговорной речи, пословицы, поговорки и афоризмы народа ханты, художественные произведения на хантыйском языке. Эмпирическую базу исследования составили авторские записи разговорной речи хантов, словари хантыйского языка, сборник хантыйских пословиц, поговорок и афоризмов. В результате исследования очерчен круг наиболее показательных слов и идиом хантыйского языка, имеющих отчетливую когнитивную, прагматическую, мировоззренческую основу. Используемые методы — метод типологической интерпретации лексического материала и описательный. При анализе семантики лексических единиц особое внимание уделяется выявлению регулярных устойчивых словосочетаний: именно сочетательные потенции представляются основой для развития дальнейших коннотаций, логическим завершением чего становится участие тех или иных слов в составе идиом. Анализ языкового материала под указанным углом зрения позволяет выявить отличительные когнитивные и коммуникативно-прагматические особенности языка. Закономерен и вывод о том, что естественный язык предоставляет своим носителям богатейший инструментарий для выражения всех возможных, любых мыслей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: функции языка, семантика, лингвистическая типология, этническая культура, хантыйский язык, хакасский язык

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Каксин А. Д. Культура жизнеобеспечения и язык хантов: прагматика, синтактика, образность. Кунсткамера. 2023. 1(19): 17–27. doi 10.31250/2618-8619-2023-1(19)-17-27

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20099, <https://rscf.ru/project/22-28-20099/> при паритетной финансовой поддержке Правительства Республики Хакасия.

Andrei Kaksin

Katanov Khakass State University
Abakan, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-9632-8286
E-mail: adkaksin@yandex.ru

Culture of Livelihood and the Khanty Language: Pragmatics, Syntactics, Imagery

ABSTRACT. The article is devoted to one aspect of the linguistic justification of the connection between language and culture: the identification in the lexicon, syntactic models and figurative schemes of the language of units with a figurative and potential conceptual meaning. The presentation is based on the analysis of the material of the Khanty language, for comparison, data from the Russian and Khakass languages are used. From the standpoint of linguistic typology, common words denoting geographical objects, certain categories of earth-names, the names of the most common representatives of the fauna, as well as words that make up the core of the vocabulary of economic activity are considered. As sources of illustrative material, samples of colloquial speech, proverbs and aphorisms of the Khanty people, works of art in the Khanty language are used. The empirical basis of the study was the author's records of the Khanty spoken language, dictionaries of the Khanty language, a collection of Khanty proverbs, sayings and aphorisms. As a result of the study, the range of the most indicative words and idioms of the Khanty language with a distinct cognitive, pragmatic, worldview basis is outlined. The methods used are the method of typological interpretation of lexical material and the descriptive method. When analyzing the semantics of lexical units, special attention is paid to the identification of regular idioms: it is the combination reserve that is the basis for the development of further connotations, the logical conclusion of which is the participation of certain words in idioms. Analysis of language material at the specified angle of view makes it possible to identify distinctive cognitive and communicative-pragmatic features of the language. The conclusion that natural language provides its speakers with the richest tools for expressing all possible, any thoughts is also natural.

KEYWORDS: language functions, semantics, linguistic typology, ethnic culture, Khanty language, Khakass language

FOR CITATION: Kaksin A. Culture of Livelihood and the Khanty Language: Pragmatics, Syntactics, Imagery. *Kunstkamera*. 2023. 1(19): 17–27. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2023-1(19)-17-27

Философско-лингвистическое обоснование связи этнической культуры и языка имеет множество аспектов. Одним из решений является ответ на вопрос: как, какими способами (и средствами) обеспечивается равенство конкретного языка самому себе, или, говоря иначе, каким образом полностью удовлетворяется потребность этноса создавать адекватное представление о мире и общаться внутри своего языкового коллектива. За время развития человеческой цивилизации выработано много языков, и они разные в той мере, в какой может варьироваться способность речевого аппарата производить те или иные звуки. Разница закладывается также основополагающими признаками языка-предка, а его свойства и признаки частично определяются климатическими и географическими условиями окружающей местности. Комплексное действие множества факторов и обуславливает то обстоятельство, что при относительном единстве человеческого сознания возникло огромное количество отдельных самостоятельных языков. В истории языкознания известно много концепций по данной проблематике. В соответствии с нашими задачами мы склонны отдать предпочтение тем работам, в которых рассматриваются способы и средства, более других приспособленные для выполнения языком своей когнитивной и коммуникативной функции (Чесноков 1977: 9–19; Черемисина 1998: 12–25; Плунгян 2000: 120–130; Söder 2001: 142–149; Корнилов 2003: 22–42; Кошкарева 2020).

Убеждены, что изучение культуры жизнедеятельности этноса должно носить междисциплинарный характер, в частности новое знание можно вывести на основании данных лингвистики, антропологии и этнографии. Этим и объясняется наше обращение и к работам, посвященным этнической культуре народов Крайнего Севера и Сибири. Во многих из них изложены результаты комплексного изучения того или иного этноса, описаны особенности языка, проистекающие из факта укоренения народа на определенной территории, в специфических природных условиях (Касум-ёх 1993; Федорова 2000; 2017; Давыдов 2016: 162–169; Симонова 2016; Первалова 2018; 2020; Головнёв 2020; Гончаров 2021; Давыдов 2022).

Интересный языковой материал, нуждающийся в дальнейшей интерпретации, содержится в словарях, сборниках текстов, а также в описательных лингвистических работах, и некоторые из них нами изучены (Онина 2003; Титова 2013; Енов 2016; Иванищева 2017).

Сейчас в центре нашего внимания — языковые явления, единицы и формы, ставшие сначала результатом познавательной деятельности этноса, а уже затем получившие дальнейшее смысловое развитие в рамках языка. Отбор происходит в семантическом поле «культура жизнеобеспечения», включающем прежде всего лексемы, обозначающие явления окружающей природы, предметы быта, орудия труда, значимые признаки и действия, связанные с жизнью и трудом в условиях определенной местности. В результате исследования очерчен круг слов, имеющих отчетливую когнитивную и ментальную, мировоззренческую основу, т. е. лексических единиц, подходящих на роль слов-концептов. Такого рода единицы наиболее часто выступают в качестве ключевых компонентов в образных оборотах и выражениях и в целом несут большую смысловую нагрузку.

Любой язык имеет достаточный набор средств (а это не только сами слова и словоформы, но и отношения между ними) для продуцирования бесконечного количества высказываний и текстов. В результате, как замечательно сформулировала профессор М. И. Черемисина, любой язык дает человеку неопределимую возможность «представлять континуум мироздания как дискретное множество разных вещей, которое поддается упорядочению при помощи системы идей, являющихся значениями слов» (Черемисина 1998: 23).

Лексикон языка широк, многообразен, и самую объемную его часть составляют лексические единицы, связанные с культурой жизнеобеспечения. В хантыйском языке ядро этого тематического объединения составляют слова, называющие предметы хозяйственного обихода, постройки, транспорт, орудия и материалы, используемые в различных промыслах: ныр 'жердь', шойт 'кол', ош 'ограждение', щӕхар 'пастбище', лӕп 'весло', турн 'сено', пӕн 'гимга', велпӕс 'добыча', сесы 'ловушка, слопцы', рат 'костер', вӕнь 'крючок', пӕл 'наживка', тухал 'невод', лыс 'петли', пӕнт 'след', сӕля 'порох', тӕр 'ствол', холуп 'сеть', нӕл 'стрела', паварт 'бревно', сухта 'глина',

ов ‘дверь’, хот ‘дом’, сохал ‘доска’, пшас ‘загон’, айм ‘клей’, лаңал ‘крыша’, хоңтэп ‘лестница’, ишни ‘окно’, нури ‘кровать’, кэр ‘печка’, аңкал ‘столб’, сўн ‘угол’, йинтуп ‘игла’, кеши ‘нож’, хойм ‘зола’, эхал ‘сани’ и многие другие (РХТС 2002: 50–74).

Часть таких слов являются непроизводными корнями, и среди них еще выделяется группа синкретичных основ, совмещающих грамматические значения действия и предмета. Примечательно, что в большинстве случаев первично обозначение именно действия (и в этом заключается еще одна специфическая черта хантыйского языка — обозначать некоторые значимые предметы и их свойства через действие, относящееся к ним). При этом в производных словах может не быть никакогоращения, но чаще всего соответствующий суффикс в них присутствует: вер- ‘делать’ и вер ‘дело’, як- ‘плясать’ и як ‘пляска, танец’; ўм- ‘черпать’ и ѓмпи ‘ковшик’, лэп- ‘влезать, помещаться’ и лэпан ‘сени, кладовка’, пур- ‘грызть’ и пурли ‘сверло’, хбңт- ‘залезать’ и хоңтэп ‘лестница’, пот- ‘остывать, мерзнуть’ и потум ‘холодный’, йонт- ‘шить’ и йинтуп ‘иглолка’, лаңк- ‘накрывать’ и лаңкуп ‘покрывало’, сєнк- ‘стучать’ и саңкуп ‘молоток’, вулт- ‘тесать’ и вултуп ‘рубанок’, воньщ- ‘собирать ягоды’ и воньщуп ‘туесок’, пават- ‘придавливать’ и павтэп ‘давило’ (РХТС 2002: 56–88).

Ханты живут в бассейнах рек, на озерах, и соответственно их язык насыщен средствами, детализирующими действия, предметы и явления, связанные с жизнью у воды. Существует много лексических групп, включающих слова для описания водоемов, связанных с ними ландшафтов, водной флоры и фауны. И, конечно, совершенно особый раздел представляет собой лексика рыболовства хантов (Енов 2016). В ядро этой лексической группы входит слово *хон* ‘лодка’, которое, в свою очередь, имеет многочисленные вариации, основные из которых — сочетания *ай хон* ‘собственно хантыйская, маленькая, лодка’ и *саран хон* ‘грузовая, зырянская, лодка’ (Игушев 2019: 105–106).

Есть и другие названия лодки, но все они являются реализациями прямого значения (St. 1966–1993: 529). Однако есть одна важная закономерность (также чисто прагматического свойства): с течением времени у лексических единиц, подобных слову *хон*, вырабатывается переносное значение. Это образное переосмысление значительно расширяет сочетательные возможности слова, позволяет функционировать ему в прецедентных (символических, нетривиальных) контекстах, в том числе в составе идиом. В качестве примера приведем очень характерную фразу из наших записей хантыйской разговорной речи. В селе Казым довольно часто нам приходилось слышать такое высказывание о родственниках со стороны матери: *Асэвем-а́спухем пайта лаль хона лэллум!* ‘За кузину-кузена на войну пойду!’ (букв. «**в лодку войны** сяду»). В нем концентрированно выражено отношение к родственникам, от него веет убежденностью, что такими связями ханты очень дорожат. Интересна эта фраза и с точки зрения формы: представление о вступлении в войну передается образно; неслучайно и упоминание самого привычного для ханты-рыбака транспортного средства — лодки.

Широко представлена в лексиконе хантыйского языка и тема переправы людей (и животных) через водные препятствия. Через большие реки переправляются, разумеется, на лодках, а через небольшие речушки перекидывают мосты. Мосты (или мостики) бывают двух типов: объединенный мост-плотина (как часть запруды) и жерди или бревна, переброшенные с одного берега на другой. В словаре В. Штейница это отражено разъяснениями относительно слов *пәгәл* ‘мостик’ и *пул* ‘мост’ (St. 1966–1993: 1017, 1148). Интересно, что и в этом случае можно наглядно видеть одну из граней прагматики языка, отражение в языковом синкретизме объективной связи предмета и производимого действия. Исходный материал при создании мостика, как правило, жерди: в процессе строительства их либо втыкают, либо постилают (кладут) сплошным массивом. В словаре В. Штейница соответствующие статьи расположены рядом, и здесь наглядно видно, что искомые слова однокоренные, хотя наблюдается и чередование гласных: *пүг* ‘жердь’ и *пәга-* ‘стлать’ / *пәгәл* ‘мостик’, *пул-* / *реп-* ‘воткнуть’ и *пул* ‘мост’ (St. 1966–1993: 1016–1017, 1147–1148).

Необходимо указать на то, что ядро искомой лексической группы составляют слова, являющиеся рефлексамии уральского праязыка — далекого общего предка финно-угорских и самодийских

языков. «Словарный состав показывает, что носители уральского праязыка были охотниками и рыбаками. Слова ‘вид рыбы’, ‘линь’, ‘рыба’ ... ‘волна’, ‘волок’, ‘грести’, ‘затон’, ‘озеро’ ... ‘река’, ‘сеть’ свидетельствуют о том, что в этот период рыболовство было основным занятием людей» (Основы... 1974: 410). Прошли тысячи лет, а потомки древних уральцев (ханты в том числе) все так же склонны к занятию этим традиционным промыслом, и кухня у них соответствующая. Приверженность рыбной ловле отражена и в наличии множества топонимов, в структуре которых имеются указания на различные виды рыболовных сооружений (запоров) и орудий лова, а также на действия рыбака:

aj war лэг ‘малое запорное озеро’, aj war lǒχ ‘маленький запорный залив’, war śɔlǝj sɔjǝm ‘ручей с прутьями рыболовного запора’, rǒlǝj wɔrɨ ‘старица с рыболовным запором’, wɔn raw jɔr ‘большой ручей рыболовного запора’, tǒχlǝj лэг ‘неводное озеро’, rɔsǝj wɨs лэг ‘озеро протоки с ловушкой’, χǎl kǎnʂǝm sɔjǝm ‘ручей, где промышляли рыбу’, tǒχliti лэг ‘озеро, где неводят’, śɔgǝs χǎl tǎlǝm rap ‘песок, где тащили тысячу рыб’ и др. (Дмитриева 2005: 290–293).

Процесс создания топонимов не обходится без упоминания характерных примет местности, особенностей объекта, представителей флоры и фауны, а также иногда людей и событий, которые там случились: Айнедаингъеган ‘Малая ягельная речка’, Айняръеган ‘Малая голая (без леса) река’, Айхалыеган ‘Малая река с провиантом’, Волдэпъеган ‘Река рубанка’, Керазингъеган ‘Река с холмистыми берегами’, Лилингъеган ‘Живая река’, Несъеган ‘Река бобра’, Хататлемсойэм ‘Скользивший ручей’, Хотынгсойэм ‘Ручей лебедя’, Вадемигисор ‘Сор (озеро) седого старца’, Пословлор ‘Сор у устья протоки’, Суввыстыхланглор ‘Озеро с орлиным гнездом’, Сумытлор ‘Озеро березы’, Урьялор ‘Озеро ненцев’, Юхпайлор ‘Озеро островка леса (урочища)’, Янгелор ‘Озеро десяти женщин’, Патрохас ‘Протока медных денег’, Товыгортпосл ‘Протока весенней деревни’ (Словарь гидронимов 2012: 181–203).

Разумеется, рыбная/рыболовецкая тема часто актуализируется в речи, в том числе в высказываниях идиоматического характера (поговорах, афоризмах). В наших записях разговорной речи казымских хантов встретились такие высказывания: Хўлаң Асән, лантаң Асән сәммә ши хәшас ‘На рыбной Оби, на мучной Оби сердце мое осталось’; Велпаслаты хоята аңтәм йиңк, холуп нәгал ‘Рыбаку на промысле помогает не вода, а сети’; Лорән мухалая ёшитән такла ар хўл ёша аңт паватлан ‘Пока берег озера не вытопчешь, много рыбы не поймашь’; Велпаслаты хоятән уял лўв хопалн ‘Удачу рыбаку приносит его лодка’; Верлы питум ут хоп па аңт тәйл ‘У бездельника нет своей лодки’.

Следующий пример обнаруживается в сборнике хантыйских народных изречений: Там хан-нэхо хул ёш, лант ёш тайл ‘Этот человек имеет рыбную руку и мучную руку’ (так говорят о гостеприимном человеке или удачливом рыбаке, охотнике) (Ханты ясаң нуват 2012: 17). А вот как говорит о своей жизни старый рыбак (один из героев художественного произведения об обских ханты): «Там артны етн омыста хун хантын. Па сита ма хут ветты хоят тывсым. Йингк — там ма тьтэм»¹ (Лазарев 1999: 25).

Еще одну значимую лексическую группу, всецело ориентированную на «языковое сопровождение» жизнедеятельности хантов, составляют слова, обозначающие детали ландшафта, а также связанные с ними топонимы. К числу географических терминов (нарицательных слов), наиболее употребительных на территории проживания хантов, относятся, к примеру, пан ‘берег’, н’эрум ‘болото’, тәхи ‘место, местность’, хўлам ‘ложбина’, вәйт ‘луг’, авәт ‘мыс’, мәлән ‘озеро’, пәхәр ‘остров’, хәр ‘поле’, пусл ‘протока’, юхан ‘речка’, сойм ‘ручей’, вәнт ‘тайга’ (РХТС 2002: 9–15).

Для всего разнообразия деталей природного ландшафта в хантыйском языке есть обобщающая лексическая единица — *мўв-ават* ‘земли-воды’. Данное сочетание — наглядный пример широкого действия в хантыйском языке основополагающих правил синтактики, в данном случае правил создания сложных слов и словосочетаний. Масштабное применение таких схем и привело

¹ «В это время (во время пугины) и дома-то не усидишь. Ведь рыбаком я родился. Вода (река) — это моя жизнь».

к тому, что сейчас в хантыйском языке функционирует огромное множество сложных и составных лексических единиц, обозначающих самые разные явления окружающей действительности, в том числе предметы, признаки и действия, связанные с культурой жизнеобеспечения этноса.

Сложные и составные слова в хантыйском языке составляют особый класс. В лексике культуры жизнеобеспечения они представлены очень широко. Сложными считаются лексические единицы, которые представляют собой объединение (фонетическое и смысловое) двух или трех компонентов, и один из них — определение: обозначает некоторое качество или указывает на место, на то, что это часть целого, или на функцию, которую предмет выполняет: картсёсы ‘капкан’, ратхар ‘костер, место для костра’, пёрсин хот ‘палатка’, тётхот ‘кошелек’, картлүңк ‘гвоздь’, мўв хот ‘землянка’, лов хот ‘конюшня’, мис хот ‘коровник’, кят тўруп пушкан ‘двустволка’, пушкан нёл ‘дробь’, няшты йин ‘леска’, холуп похал ‘поплавок’, пушкан пўлуп ‘пыж’, лепас хот ‘скрадок’, шанш лэп ‘переднее весло’, шанш лэп аңкэл ‘уключина’, сухта пўт ‘горшок из глины’, хот йит ‘комната’, амп хот ‘конура’, еңк хот ‘ледник’, кэр лаңал ‘плита’, хот хәри ‘пол’, еңхәсыйлты тәхи ‘раздевалка’, ишни юх ‘рама’, хотлакәп ‘сруб’, хот питәр ‘стена’, вош хўлы ‘улица’, юрн хот ‘чум’, турн хот ‘шалаш’, карты ваңкрәп ‘багор’, сўткәв ‘брусок’, кўншпәң юх ‘грабли’, ёнтаслўй ‘наперсток’, ләнтпәңк ‘напильник’, кят енлуп кеши ‘ножницы’, лаюм моңх ‘обух’, кеши нәл ‘рукоятка ножа’, лаюм вей ‘топорище’, ёш пур ‘шило’, шай ан пўш ‘блюдец’, карты ан ‘миска’, шай пўт ‘чайник’, шай ан ‘чашка’, кавәртум воншўмут ‘варенье’, мис нюхи ‘говядина’, сәх лытуп ‘осетровая икра’, нянь пўл ‘краюха’, вой нюхи ‘лосятина’, мис вуй ‘сливочное масло’, есум йиңк ‘молоко’, палум ай нянь ‘оладья’, вўлы нюхи ‘оленина’, нохәр сем ‘орех’, хўл хошум йиңк ‘уха’, сапал лак ‘воротник’, ләмәтсух ‘одежда’, кўр ювәртты сух ‘портянка’, омәсты пәсан ‘стул’, туман нялум ‘ключ’ и многие другие (РХТС 2002: 50–88).

Составные слова состоят из трех-четырёх компонентов, и иначе их можно назвать описательными словосочетаниями. В хантыйском языке они служат для характеристики людей по возрасту, каким-либо свойствам характера, а также для обозначения непривычных предметов, явлений, профессии (или рода занятий): пирца ювум хоят ‘старик, старуха’, кэр әллаты хоят ‘истопник’, турн сәвәртты хоят ‘косарь’, юх сәвәртты хоят ‘лесоруб’, вўлы тайты хоят ‘оленовод’, кэр омәсты хоят ‘печник’, ай мис енмәлты не ‘телятница’, няврәм вәнтләты хоят ‘учитель’, верлы питум хоят ‘бездельник’, ўңәллы-яәңлы хоят ‘тихоня’, яма рәпитты хоят ‘труженик’, урк еслты хоят ‘хвастун’, атәлт вәлты хәхоят ‘холостяк’, и мўвн вәлты ёх ‘земляки’, и пәнт мәнты хоят ‘попутчик’, турн сәвәртты вер ‘сенокос’, велпәсләты пушкан пурмәсәт ‘боеприпасы’, нял вўрпи павәрт ‘брус’, хот хәри нерты олюп ‘половая краска’, сохал эвәтты хот ‘пилорама’, әхл карты кўршка ‘алюминиевая кружка’, лыпел мултыйн пунум нянь ‘пирог’, вән хошум ошни ‘тулуп’, хот хәрийн пунты сух ‘половик’, венш моңхты сух ‘полотенце’, йиңкән шошмум рәп ‘ледяная горка’, мисвуй верты тәхи ‘маслозавод’, нәй сух эвәлт ёнтум сәх ‘халат из сукна’, шәпи вўншты тәхи ‘переправа’ и многие другие (РХТС 2002: 38–74).

При взгляде на большой массив культурной лексики хантыйского языка обращает на себя внимание наличие большого количества заимствований, которые фонетически адаптированы в хантыйском языке. Прежде всего это заимствования из тюркских языков и диалектов. В частности, тюркскими по происхождению являются такие слова, как ekär, akar ‘задние ляжки (у животных)’, öktäm ‘гордый’, iköw ‘хомут’, öla ‘подвода’, ätäšä ‘мерин’, ilkäk ‘решето’, атәр ‘богатырь’ (St. 1966–1993: 46–53, 72–84). Как видим, самая значительная доля тюркизмов в хантыйском языке — это слова, связанные с коневодством.

Достаточно много заимствований из русского языка (при этом некоторые слова из тюркских попали в русский, а оттуда — в хантыйский): нащам ‘навоз’, кўрас ‘грузило’, пушкан ‘ружье’, пәрсин ‘брзент’, пәтрән ‘патрон’, лапка ‘магазин’, кирмаш ‘кирпич’, олюп ‘олифа’, пакрәп ‘подполье’, тўрпа ‘труба’, щўкан ‘чугун, чугунный’, кәсна ‘казна, казенный’, кўршка ‘кружка’, шай ‘чай’, калаш ‘калач’, сул ‘соль’, пәташка ‘подушка’, йермак ‘ярмак’, сопек ‘сапоги’, пәцка ‘бочка’, ветра ‘ведро’, лараш ‘ларь, ящик’, шос ‘часы’ и многие другие (РХТС 2002: 51–74).

Факт фонетической адаптации говорит о том, что данные слова были переняты хантыйским языком достаточно давно: заимствования из тюркских языков и диалектов — в XII–XV вв. (Адаев, Галеева 2018: 60–66; Головнёв 2020: 567–568; Хисамов 2022: 22–25), из русского языка — широко-масштабно начиная с XVI в. А первоначальные, еще на уровне праязыков контакты уральской и алтайской языковых семей вообще уходят корнями в глубокую древность (Хелимский 1991: 88–95; Микеши 1996: 29–30; Дыбо 2013: 23–24).

Происхождение части слов, относящихся к данной семантической области, можно вести от уральского праязыка. Это означает, что рефлекс какого-либо древнего слова (или корня) прослеживается в целом ряде современных финно-угорских и самодийских языков (или только финно-угорских, если в самодийской ветви этот корень утрачен и заменен другим). В современных языках абсолютное большинство слов многозначные. Но в праязыках, очевидно, была противоположная ситуация. Весь процесс языкового развития представляется постепенным, все более расширяющимся движением к формальному и семантическому разнообразию. При этом в основе методологии этого развития лежит диалектическое сочетание двух главных способов: эффективного использования относительно небольшого по объему исходного звукового материала и придумывания новых формальных (а также семантических) способов, расширения номенклатуры и знаменательных, и служебных элементов. Но феномен языка в том и заключается, что новых способов словопроизводства и выражения мысли не так много: развитие происходит за счет активного использования внутренних потенциальных возможностей (а они носят преимущественно семантический характер).

Таким образом, многие черты в лексическом и грамматическом строе современных языков восходят к явлениям, присущим еще языкам-предкам. Выйдя от одного корня, два-три производных слова развили в дальнейшем различные оттенки (коннотации) первоначального общего смысла. Говоря иначе, пути семантического развития от первоначального слова (затем превращающегося в мотивирующий корень) к последующей семантической структуре однокоренных слов достаточно разнообразны. Приведем характерный пример. В наших записях разговорной речи хантов отмечена фраза *Амна мӓнтты версаллэ* ‘сделал меня собакой’. В чем ее прагматический (выразительный) смысл, поначалу не очень понятно: кажется, сама номинация домашнего животного совершенно обычна, не содержит потаенных, скрытых компонентов.

ämp (V Vj.; *impəm*), *Sur.* (*Likr. Mj. Trj. J*) *ämp* (*Mj. Trj. J impəm*), *Irt.* (*DN KoP Kr. Ts. ua.*) *O ämp, Ni. Kaz. amp, Sy. Pit. ap (amp-) собака, Hund.*

*Trj. ämp-äyäl usw. Hundeschlitten: s. 40. || Vj. äm'-jom usw. Beere eines Strauches: s. jom. || V Vj. äm'-kat, Trj. äm'-kât Hundehütte (s. kat). || Trj. äm'-läyäl “Hundepfote” e. Ornament. || J äm-mok, Fil. KoP Ts. äm-mox junger Hund. || V Vj. äm'-häləm, KoP Kr. ämp-hätəm полевой лук, Waldzwiebel (V); черемуха, e. Pflanze vom Aussehen der Hundezunge, deren Wurzel gegessen wird (Vj.); селезенка, Milz (= *χόλχη*; KoP); e. “Fleischstück” vom Aussehen der Hundezunge auf dem Pansen, Milz? (Kr.) || Vj. äm'-pöjk Eckzahn des Menschen. || Fil. Kr. ämp-söχ Hundefell. || V äm'-soyən, Trj. äm'-säyən Napf aus Birkenrinde zum Füttern des Hundes. || Trj. äm'-turəp-wäjəy kleiner Schwan. || Kaz. am'-wöl variksenmarja (?), Krähenbeere (?): s. 64. || ä-, ä- in Pflanzennamen s. jom, kek i, Ts. löχəj (*), häləm, päyrəñt'; in Monatsnamen: s. tiləs. – V Vj. kuj-ä., Trj. kuj-ä., DN хож-ä., Kr. Ts. хuj-ä. Hundemännchen. || KazSt. lipi-a. лайка длинношерстная. || Kaz. melk-a. gew. Pl., işk-a. usnapenue, im Frühling aus dem Eis und Schnee strahlende Kälte oder kalter Hauch, der am Morgen und Abend in der Sonne sichtbar wird; melk-ampət rampijəat der kalte Hauch ist sichtbar. || V niñ-ä., Trj. niñ-ä., DN Ts. neñ-ä., Ahl.-Mskr. (Atl. Čem.) nē-ämp сука, Hündin. || Trj. peçyän-ä. собачка, Hahn des Gewehres. || KazSt. sos-ämp лайка короткошерстная. || DN tworowoj ä., DT dworowoj ä. Hofhund (St. 1966–1993: 101).*

Приведенная выше словарная статья содержит только денотативную информацию: ничего лишнего, раскрывается прямое значение слова, объект номинации характеризуется достаточно полно, почти исчерпывающе. Однако внимательное прочтение словарной статьи позволяет заметить существенные детали, в том числе упоминание собачьей упряжки — одного из важных транс-

портных средств. И понятно, что при таком способе передвижения всю работу выполняет исключительно собака, человеку остается только сидеть и подгонять. Получается, что собака для ханта — верный помощник, но в то же время — живое существо, беспрекословно подчиняющееся своему хозяину. Она должна слушать и выполнять указания. Перенос этих свойств на человеческие взаимоотношения означает, что один человек становится слугой другого, превращается в безропотного исполнителя чужой воли. В этом смысл выражения *ампа верты* — «сделать (кого-либо) своим слугой».

Таким образом, отношения между языком и мировоззрением основываются на процессуальном характере познавательной способности, способности создавать в сознании идеи и концепты, которые разворачиваются далее в синтагматике языка. Языковые явления, единицы и формы как результат познавательной деятельности этноса составляют его лексикон, набор парадигм и сеть моделей. В живом общении, в динамике эти парадигматические структуры переходят в синтагматические структуры, в интонационно оформленные звуковые цепочки.

В контексте рассуждений о связи культуры этноса и его языка под прагматикой целесообразно понимать лексикон языка — разнообразный, системно устроенный, исторически обусловленный, подвижный. Синтактика — множество моделей сложных и составных единиц, включаемых далее в более сложную структуру — высказывание (предложение). Образность появляется в том случае, когда мысль необходимо выразить четко, ярко, красиво (художественно), афористично. Различные вариации формы и семантические трансформации позволяют развиваться языку, способствуют продуцированию бесконечного количества текстов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Адаев В. Н., Галеева Н. Ф. Тюркско-угорские контакты, которых «не было»: связи татар Среднего Прииртышья с хантами Туртаса и Демьянки в XVIII–XX вв. // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2018. № 4 (22). С. 60–70.

Головнёв А. В. Остяк остяка видит издали: по мотивам книги «Иштяки: приуральско-сибирское пограничье» // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8. № 3. С. 563–577.

Гончаров Н. С. «Сгущения» пространства в процессе собирательства, рыболовства и охоты: на примере села Жиганск, Республика Саха (Якутия) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2021. Т. 24. № 2. С. 181–211.

Давыдов В. Н. Жизнь среди семи ветров // Огонь, вода, ветер и камень в эвенкийских ландшафтах. Отношения человека и природы в Байкальской Сибири / В. Н. Давыдов, В. В. Симонова, Т. Ю. Сем, Т. Брандишаускас. СПб.: МАЭ РАН, 2016. С. 152–173.

Давыдов В. Н. «У каждого свои секреты»: стратегии поддержания пищевой автономности на Таймыре // Этнография. 2022. № 1 (15). С. 6–27.

Дмитриева Т. Н. Топонимия бассейна реки Казым. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2005.

Дыбо А. В. Пратюркский и прасамодийский — контактная лексика // Лингвистический беспредел-2: Сборник научных трудов к юбилею А. И. Кузнецовой. М.: Издательство Московского университета, 2013. С. 6–26.

Енов В. Е. Хантыйская рыболовная лексика (на материале послесловского говора шурьшкарского диалекта). Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2016.

Иванищева О. Н. Саамская географическая лексика (по материалам архивных документов Мурманского областного краеведческого музея) // Родной язык: Лингвистический журнал. 2017. № 1 (6). С. 47–64.

Игушев Е. А. Культура финно-угорских народов. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2019.

Касум-ёх: Материалы для обоснования проекта этнической статусной территории / отв. ред. А. В. Головнёв. Шадринск: Исеть, 1993.

Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: ЧеРо, 2003.

Кошкарева Н. Б. Цветообозначения в уральских языках Сибири: цвет или свет, прилагательные или глаголы? // Критика и семиотика. 2020. № 2. С. 152–166.

- Лазарев Г. Д. Сорненг тов. Рассказ на языке ханты. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 1999.
- Микеши Г. История обско-угорских народов // Финно-угорский мир: Справочник по истории, культуре и языку. Будапешт, М., 1996. С. 29–35.
- Онина С. В. Отраслевая лексика хантыйского языка: словарный состав, связанный с оленеводством. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2003.
- Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: Наука, 1974.
- Первалова Е. В. Этничность в кино: ненцы, ханты и манси на экране // Кунсткамера. 2018. № 2. С. 184–192.
- Первалова Е. В. «Как скоро птица летит...» (Из практики управления сибирскими народами в 1920–1930 гг.) // Сибирские исторические исследования. 2020. № 3. С. 178–194.
- Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
- Русско-хантыйский тематический словарь: Казымский диалект (РХТС) / С. П. Кононова. СПб.: Просвещение, 2002.
- Симонова В. В. Этики тайги: эвенки Северного Байкала между позитивизмом и локальной стратегией минимума // Огонь, вода, ветер и камень в эвенкийских ландшафтах. Отношения человека и природы в Байкальской Сибири / В. Н. Давыдов, В. В. Симонова, Т. Ю. Сем, Т. Брандишаускас. СПб.: МАЭ РАН, 2016. С. 70–97.
- Словарь гидронимов Ямало-Ненецкого автономного округа / Научный центр изучения Арктики. Екатеринбург, 2012.
- Титова О. В. Заимствованные названия гужевого транспорта в пермских языках // Уральские и алтайские языки и народы: сопоставительно-типологический взгляд. Материалы международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения выдающегося финно-угроведа и алтаиста М.-А. Кастрена (Абакан, 25–28 сентября 2013 г.) / отв. ред. А. Д. Каксин. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2013. С. 87–92.
- Федорова Е. Г. Рыболовы и охотники бассейна Оби: проблемы формирования культуры хантов и манси. СПб.: Европейский Дом, 2000.
- Федорова Е. Г. Традиционные социальные институты северных манси во второй половине XX в. // Социальная организация у народов Сибири: традиции и современность / СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 118–162.
- Ханты ясаң нуват. Ветви хантыйского языка: сборник хантыйских пословиц, поговорок, народных изречений, сказок-загадок на хантыйском языке с переводом на русский язык / М. К. Вагатова. Ханты-Мансийск: Принт-Класс, 2012.
- Хелимский Е. А. Самодийская лингвистическая реконструкция и праистория самодийцев // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей: Лексическая реконструкция. Реконструкция исчезнувших языков. М.: Наука, 1991. С. 86–99.
- Хисамов О. Р. Тюрко-татарская географическая лексика Западной Сибири: ареальный аспект. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Казань, 2022.
- Черемисина М. И. Язык как явление действительности и объект лингвистики. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 1998.
- Чесноков П. В. Неогумбольдтианство // Философские основы зарубежных направлений в языкознании. М.: Наука, 1977. С. 7–62.
- Söder T. “Walk This Way”: Verbs of Motion in Three Finno-Ugric Languages. Uppsala: Studia Uralica Upsaliensia, 2001.
- Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache (St.). Berlin: Akademie Verlag, 1966–1993. 2019.

REFERENCES

- Adaev V. N., Galeeva N. F. Tyurksko-ugorskie kontakty, kotoryh “ne bylo”: sviazi tatar Srednego Priirtysh’ia s hantami Turtasa i Dem’ianki v XVIII–XX [The occurrence of “non-existent” Turk-Ugric contacts: communications between the Tatars of the Middle Irtysh Region and the Khanty of the Turtas and Demyanka Rivers in the 18–20th centuries]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2018, no. 4 (22), pp. 60–70. (In Russian)
- Cheremisina M. I. *Iazyk kak iavlenie deistvitel’nosti i ob’ekt lingvistiki* [Language as a phenomenon of reality and an object of linguistics]. Novosibirsk: Novosibirsk State University Publ., 1998. (In Russian)
- Chesnokov P. V. Neogumbol’dtianstvo [Neo-Humboldtianism]. *Filosofskie osnovy zarubezhnykh napravlenii v iazykoznanii* [Philosophical foundations of foreign directions in linguistics]. Moscow: Nauka Publ., 1977, pp. 7–62. (In Russian)

Davydov V. N. Zhizn' sredi semi vetrov [Life among the seven winds]. *Ogon', voda, veter i kamen' v evenkiiskih landshaftah. Otnosheniia cheloveka i prirody v Baikal'skoi Sibiri* [Fire, water, wind and stone in Evenki landscapes. Human-nature relations in Baikal Siberia]. Ed. by V. N. Davydov, V. V. Simonova, T. Yu. Sem, T. Brandishauskas. St. Petersburg: MAE RAN, 2016, pp. 152–173. (In Russian)

Davydov V. N. "U kazhdogo svoi sekrety": strategii podderzhaniia pishchevoi avtonomnosti na Taimyre ["Everyone has their own secrets": strategies for maintaining food autonomy in Taimyr]. *Ethnography*, 2022, no. 1 (15), pp. 6–27. (In Russian)

Dmitrieva T. N. *Toponimiia basseina reki Kazym* [Toponymy of the Kazym River Basin]. Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta Publ., 2005. (In Russian)

Dybo A. V. Prati'urkskii i prasamodiiskii — kontaktnaia leksika [Prati'urk and Prasamodian — contact vocabulary]. *Lingvisticheskii bespredel-2: Sbornik nauchnykh trudov k iubileiu A. I. Kuznetsovoi* [Linguistic lawlessness-2: Collection of scientific works for the anniversary of A. I. Kuznetsova]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 2013, pp. 6–26. (In Russian)

Enov V. E. *Hantyiskaia rybolovnaia leksika (na materiale poslovskogo govora shuryshkarskogo dialekta)* [Khanty fishing vocabulary (based on the material of the Poslovsky dialect of the Shuryshkar dialect)]. Khanty-Mansiisk: Poligrafist Publ., 2016. (In Russian)

Fedorova E. G. *Rybolovy i okhotniki basseina Obi: problemy formirovaniia kul'tury khantov i mansi* [Fishermen and hunters of the Ob basin: problems of the formation of the Khanty and Mansi culture]. St. Petersburg: Evropeiskii Dom Publ., 2000. (In Russian)

Fedorova E. G. Traditsionnye sotsial'nye instituty severnykh mansi vo vtoroi polovine XX veka. [Traditional social institutions of the northern Mansi in the second half of the 20th century]. *Sotsial'naia organizatsiia u narodov Sibiri: traditsii i sovremennost'*. St. Petersburg: MAE RAN, 2017, pp. 118–162. (In Russian)

Golovnev A. V. Ostiak ostiaka vidit izdaleka: po motivam knigi "Ishtiaki: priural'sko-sibirskoe pogranič'e" [Ostyak sees ostyak from afar: few remarks on the "Ishtyaks: The borderland between the Cis-Urals and Siberia"]. *Golden Horde Review*, 2020, vol 8, no. 3, pp. 563–577. (In Russian)

Goncharov N. S. "Sgushcheniia" prostranstva v protsesse sobiratel'stva, rybolovstva i okhoty: na primere sela Zhigansk, Respublika Sakha (Yakutiia) ["Densifications" of space in the process of gathering, fishing and hunting: on the example of Zhigansk Village, Republic of Sakha (Yakutia)]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2021, vol. 24, no. 2, pp. 181–211. (In Russian)

Hanty yasaŋ nuvat. Vetvi khantyiskogo iazyka: sbornik khantyiskikh poslovits, pogovorok, narodnykh izrechenii, skazok-zagadok na khantyiskom iazyke s perevodom na russkii iazyk [Hanty yasaŋ nuvat. Branches of the Khanty language: a collection of Khanty proverbs, sayings, sayings, fairy tales-riddles in the Khanty language with translation into Russian]. Ed. M. K. Vagatova. Hanty-Mansiisk: Print-Klass Publ., 2012. (In Russian)

Helimskii E. A. Samodiiskaia lingvisticheskaia rekonstruktsiia i praistoriia samodiitsev [Samodian linguistic reconstruction and prehistory of Samodians]. *Sravnitel'no-istoricheskoe izuchenie iazykov raznykh semei: Leksicheskaia rekonstruktsiia. Rekonstruktsiia ischeznuvshikh iazykov* [Comparative historical study of languages of different families: Lexical reconstruction. Reconstruction of disappeared languages]. Moscow: Nauka Publ., 1991, pp. 86–99. (In Russian)

Hisamov O. R. *Tiursko-tatarskaia geograficheskaia leksika Zapadnoi Sibiri: areal'nyi aspekt* [Turkic-Tatar geographical vocabulary of Western Siberia: areal aspect]. PhD diss. Kazan', 2022. (In Russian)

Igushev E. A. *Kul'tura finno-ugorskikh narodov* [Culture of Finno-Ugric peoples]. Syktyvkar: Anbur Publ., 2019. (In Russian)

Ivanishcheva O. N. Saamskaia geograficheskaia leksika (po materialam arhivnykh dokumentov Murmanskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeia) [Saami landscape-related vocabulary (based on archival documents of the Murmansk Regional Museum of Local History)]. *Rodnoi iazyk: lingvisticheskii zhurnal*, 2017, no. 1 (6), pp. 47–64. (In Russian)

Kasum-yoh: Materialy dl'ia obosnovaniia proekta etnicheskoi statusnoi territorii [Kasum-yokh: Materials for justification of ethnic status territory project]. Ed. A. V. Golovnev. Shadrinsk: Iset Pbl., 1993. (In Russian)

Kornilov O. A. *Iazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov* [Language paintings of the world as derivatives of national mentalities]. Moscow: CheRo Publ., 2003. (In Russian)

Koshkareva N. B. Cvetooboznacheniiia v ural'skikh iazykakh Sibiri: tsvet ili svet, prilagatel'nye ili glagoly? [Color meanings in the Ural languages of Siberia: color or light, adjectives or verbs?]. *Kritika i Semiotika*, 2020, no. 2, pp. 152–166. (In Russian)

Lazarev G. D. *Sorneng tov. Rasskaz na iazyke khanty* [Sorneng tov. Story in the Khanty language]. Khanty-Mansiisk: Poligrafist Publ., 1999. (In Russian)

Mikeshi G. Istoriiia obsko-ugorskikh narodov [History of the Ob-Ugric peoples]. *Finno-ugorskii mir: Spravochnik po istorii, kul'ture i iazyku* [Finno-Ugric World: Reference to History, Culture and Language]. Budapesht, Moscow, 1996, pp. 29–35. (In Russian)

Onina S. V. *Otraslevaia leksika khantyjskogo iazyka: slovarnyi sostav, sviazannyi s olenevodstvom* [Industry vocabulary of the Khanty language: vocabulary related to reindeer husbandry]. Joshkar-Ola: Mari State University Publ., 2003. (In Russian)

Osnovy finno-ugorskogo iazykoznaniiia. Voprosy proiskhozhdeniia i razvitiia finno-ugorskikh iazykov [Fundamentals of Finno-Ugric linguistics. Issues of origin and development of Finno-Ugric languages]. Moscow: Nauka Publ., 1974. (In Russian)

Perevalova E. V. “Kak skoro ptitsa letit...” (Iz praktiki upravleniia sibirskimi narodami v 1920–1930) [“How soon is the bird flying...” (From the practice of governing Siberian peoples in 1920–1930)]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2020, no. 3, pp. 178–194. (In Russian)

Perevalova E. V. Etnichnost' v kino: nentsy, hanty i mansi na ekrane [Ethnicity in cinema: Nenets, Khanty and Mansi on the screen]. *Kunstkamera*, 2018, no. 2, pp. 184–192. (In Russian)

Plungyan V. A. *Obshchaia morfologiia: Vvedenie v problematiku* [General Morphology: Introduction to Problems]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2000. (In Russian)

Simonova V. V. Etiki taigi: evenki Severnogo Baikala mezhd u pozitivizmom i lokal'noi strategiei minimum [Taiga ethics: Evenki of Northern Baikal between positivism and the local strategy of the minimum]. *Ogon', voda, veter i kamen' v evenkiiskih landshaftakh. Otnosheniia cheloveka i prirody v Baikalskoi Sibiri* [Fire, water, wind and stone in Evenki landscapes. Human-nature relations in Baikal Siberia]. Ed. by V. N. Davydov, V. V. Simonova, T. Yu. Sem, T. Brandishauskas. St. Petersburg: MAE RAN, 2016, pp. 70–97. (In Russian)

Söder T. “Walk This Way”: Verbs of Motion in Three Finno-Ugric Languages. Uppsala: Studia Uralica Upsaliensia, 2001.

Titova O. V. Zaimstvovannye nazvaniia guzhevogo transporta v permskikh iazykakh [Borrowed names of horse-drawn vehicles in Perm languages]. *Ural'skie i altaiskie iazyki i narody: sopostavitel'no-tipologicheskii vzgliad. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 200-letiiu so dnia rozhdeniia vydaiushchegosia finno-ugroveda i altaista M.-A. Kastrena (Abakan, 25–28 sentiabria 2013)* [Ural and Altai languages and peoples: a comparative-typological view. Proceeding the materials of the International Scientific Conference dedicated to the 200th anniversary of the birth of the outstanding Finno-Ugric scholar and Altaist M.-A. Kastren (Abakan, September 25–28, 2013)]. Ed. by A. D. Kaksin. Abakan: Katanov Khakass State University Publ., 2013, pp. 87–92. (In Russian)

Submitted: 06.02.2023

Accepted: 16.02.2023

Published: 10.04.2023